

Удивительная судьба у Игоря Северянина. Самый популярный поэт начала XX века, избранный королём поэтов в Москве в 1918 году и совершенно забытый уже к концу XX века. Был я недавно в букинистическом магазине в Петербурге: стопка книг об Андрее Белом, о Бальмонте, о Брюсове и ни одной книжонки об Игоре Северяnine.

Думаю, он сам немножко повинен в этом. После Октябрьской революции он переселился на свою дачу в Богом забытом эстонском местечке Тойла, там и жил, женился на местной эстонской крестьянской девушке Фелиссе Круут, которая ради него перешла в Православие. Он оказался и вне России, и вне эмиграции, центры которой – Париж, Берлин, Прага, Белград – становились центрами русской культуры.

Поначалу он ещё ездил с выступлениями по этим центрам, издавал там книги – в Белграде, Риге, Берлине, – но в Германии к власти пришли нацисты, Европа раскололась, да и здоровья у поэта уже не хватало на длительные и дальние поездки. Самое страшное в его жизни наступает после разрыва с Фелиссой. Худо-бедно, но за ней стоял и её крепкий эстонский род, и, несмотря на отсутствие гонораров, с голоду бы не умерли, на жизнь поэту эстонские хуторяне наскребли бы средств. Не случайно и сам поэт перед смертью признавал свой разрыв с женой самой большой ошибкой в жизни.

С новой своей моложавой подружкой Верой Коренди Игорь Северянин уже был обречён на полную нищету. Мотались по самым дальним деревням, вроде Саракюлля, где Вера находила себе работу в сельской школе, но что делать там было русскому поэту? Ловить рыбу и с завистью смотреть на русский берег реки Нарова?

Где-то года с 1936-го он почти полностью перестал писать стихи – незачем, никто их не печатал, да и напечатанные никто не покупал.

Когда-то, в десятые годы XX века, вообразив себя “грёзёром”, молодой поэт своими грёзами о морях и ананасах, о шампанском и лилиях, о мороженом из сирени покориł российского читателя. Хотя и тогда поклонники, ближе познакомившись с ним, удивлялись: пишет об ананасах в шампанском, а сам пьёт водку с солёным огурцом. Грёзофарс...

Ироничный романтик Игорь Северянин и впрямь описывал не окружающую его жизнь, а свои грёзы о ней. Такой подход близок к подходу прозаика Александра Грина, тоже уходящего от скверной, нищей окружающей его жизни в свои “Алые паруса” и “Блстающие миры”.

Вот и проживая в стужайших условиях, в сараюшках, в хилых домиках в эстонских глухих селениях, спасаясь от голода ловлей рыбы, он только и мог, что мечтать о покинутой России. Он писал в своей одинокой глуши:

*Десять лет — грустных лет! — как заброшен в приморскую глушь я.
Труп за трупом духовно родных. Да и сам полутруп.
Десять лет — страшных лет! — удушающего равнодушья
Белой, красной — и розовой! — русских общественных групп.
Десять лет — тяжких лет! — обескрыливающих лишений,
Унижений щемящей и мозг шеломящей нужды.
Десять лет — грозных лет! — сатирических строф по мишени
Человеческой бесчеловечной и вечной вражды.*

1927

С белой эмиграцией он знаться не хотел, да и не было её в Эстонии. Эстонского языка Игорь Северянин так и не выучил, первые годы ему всё переводила жена Фелисса; когда он с ней разошёлся, стало тяжелее.

*Десять лет — странных лет! — отреченья от многих привычек,
На теперешний взгляд, — мудро-трезвый, — ненужно дурных...
Но зато столько ж лет рыб, озёр, перелесков и птичек,
И встречанья у моря ни с чем не сравнимой весны!*

От поэзии грёзофарсов и утонченных поэз он перешёл к пейзажной лирике и ностальгии по России. Такого поэта Игоря Северянина — русофила до мозга костей! — нынешняя Россия не знает вовсе...

*Как было некогда в Москве...
Там были церкви златоглавы,
И души — хрупотней стекла.
Там жизнь моя в расцвете славы,
В расцвете славы жизнь текла,
Вспенённая и золотая!
Он горек, мутный твой отстой.
И сам себе стихи читая,
Версту глотаю за верстой!*

4 августа 1928
Тойла

По сути, почти ничто не держало его в Эстонии, думаю, так бы и перебрался назад в Россию, особенно после поездки в Берлин, где его друг-друг Владимир Маяковский чуть было не уговорил поэта вернуться в Москву, в активную поэтическую жизнь. "... В Берлине я, уговариваемый друзьями, — вспоминал Северянин, — хотел, не заезжая в Эстонию, вернуться в СССР, но Ф. М. (Фелисса Михайловна Круут, с которой он обвенчался в Эстонии в 1922 году) ни за что не соглашалась..."

Начинались его ностальгические грёзы по родине.

*И будет вскоре весенний день,
И мы поедим домой, в Россию...
Ты шляпу шёлковую надень:
Ты в ней особенно красива...*

1925

Но желания надевать для России шёлковую шляпу у его жены не было. Грёзы опять превращались в фарс:

*И ты прошепчешь: "Мы не во сне?.."
Тебя со смехом ущипну я
И зарыдаю, молясь весне
И землю русскую целую.*

Мало кто из русских поэтов в эмиграции так тосковал по России, как, казалось бы, весь прозападный, весь “в чём-то норвежском, в чём-то испанском”, эпатажный поэт Игорь Северянин, своё творчество посвящающий России.

*О России петь — что стремиться в храм
По лесным горам, полевым коврам...
О России петь — что весну встречать,
Что невесту ждать, что утешить мать...
О России петь — что тоску забыть,
Что Любовь любить, что бессмертным быть.*

1925

Такой образ поэта просто незнаком нынешним любителям поэзии Серебряного века. Где здесь башня замка, где королева, где фиалки? Где мороженое из сирени?

*Я русский сам, и что я знаю?
Я падаю. Я в небо рвусь.
Я сам себя не понимаю,
А сам я — вылитая Русь!*

Ночь под 1930-й год

И это, пожалуй, основная линия в эмигрантской поэзии Игоря Северянина: понимание того, что без Родины нет и поэзии — так, одно ремесло. Бедный Северянин! Для него отсутствие России невосполнимо, он реально страдает в своём эстонском одиночестве. Русские стихи его никому не нужны, а переводить за деньги эстонских поэтов на русский по подстрочникам Фелиссы — тяжкая и скучная работа. Разве не обидно, что туристы едут в Россию из той же Эстонии, а он не может? Он не хочет отдавать наш русский Днепр чужим пришельцам. Северянин будто предвидит будущее:

ЗА ДНЕПР ОБИДНО

*За годом год. И с каждым годом
Всё неотступней, всё сильнее
Влечёт к себе меня природа
Великой родины моей.
Я не завистлив, нет, но зависть
Святую чувствую порой,
Себе представив, что мерзавец —
Турист какой-нибудь такой, —
Не понимающий России,
Не ценящий моей страны,
Глядит на Днепр в часы ночные
В сиянье киевской луны!*

6 марта 1936

Сегодня за Днепр обидно и миллионам русских, не понимающих, что же там устраивают на Днестре братья-хохлы. К Северянину приходит понимание своей собственной вины и вины миллионов эмигрантов, покинувших Россию. Тоньше и глубже всяких политиков и экономистов чувствует поэт Игорь Северянин, что его Россия отстраивается, мужает, крепнет, и уже без него, без всех, покинувших Отчизну.

По-своему, это противостояние главному тезису русских эмигрантов: мы не в изгнании, мы в послании...

БЕЗ НАС

*От гордого чувства, чуть странного,
Бывает так горько подчас:
Россия построена заново —
Не нами, другими, без нас...*

*Уж ладно ли, худо ль построена,
Однако построена всё ж.
Сильна ты без нашего воина,
Не наши ты песни поёшь!
И вот мы остались без родины,
И вид наш и жалок, и пуст,
Как будто бы белой смородины
Обглодан раскидистый куст.*

Март 1936

Думаю, так же — с завистью, с ревностью, иные — с ненавистью — смотрели на возрождающуюся Державу миллионы русских эмигрантов, от Деникина до Врангеля, от Бунина до Мережковского, от Керенского до Милюкова. Было чему позавидовать! Ведь уезжая из России, они были уверены, что скоро все вернутся на руины и начнут создавать новую Россию, а она, матушка, и без них развернулась во всю мощь и ширь. А им лишь остаётся прозябать в эмиграции на чужих подачках, так и оставаясь до конца жизни чужими.

*Я сделал опыт. Он печален.
Чужой останется чужим.
Пора домой; залив зеркален,
Идёт весна к дверям моим.*

2 апреля 1936 года

Тем более что в самой Европе бушует война, поэзия никому не нужна, жизни людские обесценены. Из своей эстонской деревушки Игорь Северянин поэтическим взором ухватывает главное:

*Нам в подлую эпоху жить дано:
В культурную эпоху озверенья.
Какие могут быть стихотворенья,
Когда кровь льётся всюду, как вино!*

*Протухшая мечта людей гнойна,
Наследие веков корыстью смято.
Всё, что живёт и дышит, виновато.
Культуры нет, раз может быть война!*

*Усть-Нарва
11.01.40*

И он смело корит себя, русского, что недостаточно сил отдавал своей стране, своему народу. Этот былой певец причудливых миррелей и менестрелей тянется к своему народу, хочет помочь ему.

*Москва вчера не понимала,
Но завтра, верь, поймёт Москва:
Родиться Русским — слишком мало,
Чтоб русские иметь права...
Родиться Русским — слишком мало,
Им надо быть, им надо стать!*

“Предгневье”, 1925

После революции он решил отсидеться на своей даче в Тойла, прихватил туда и старушку-мать, и двух своих последних подружек (одна из них — с его дочкой Валерией). Стал не советским, не антисоветским, а так, застрывшим дачником, как художник Илья Репин в своей Куоккале. Поначалу Владимир Ленин ему понравился тем, что сумел отменить войну, на что не решилось Временное правительство. Игорь Северянин даже воспел этот подвиг Ленина: “Я — вне политики и, право, // Мне всё равно, кто б ни был он. // Да будет честь ему и слава, // Что мир им первым заключён!” (март 1918).

Кстати, меня поражает наш вертлявый Евтушенко, в своё время воспевавший Ленина на все лады в своих “Братских ГЭС”, а ныне упрекающий Северянина, мол, не разобрался в коварности вождя, пытался оправдать человека, которого плохо знает. Но исторически-то прав Игорь Северянин, смело написавший вскоре после революции из своей эстонской деревушки: “Когда людская жизнь в загоне, // И вдруг — её апологет — // Не все ль равно мне — как: в вагоне // Запломбированном иль нет?..”

Тем самым Игорь Северянин сразу же себя обозначил для всей эмигрантской своры, орущей и проклинающей Россию. Переступил черту, что неоднократно делал в своей жизни. И за что немедленно поплатился. В отличие от Евгения Евтушенко, по-лакейски меняющего свои убеждения чуть ли не каждый год. Ладно, Северянина упрекнул бы Мережковский или Бунин, злобные антисоветчики, это хотя было бы понятно, но когда его осуждает неустанный певец всего советского, вдруг ставший антисоветским, — это противно.

Может быть, именно за такое поведение Игоря Северянина предпочитают его не замечать и сегодня нынешние издатели и литературоведы. В Москве до сих пор не вышло ни одной книги о Северянине. Хорошо ещё, что в Эстонии нашли и Юрий Шумаков, и Михаил Петров, и Сергей Исаков.

Своим дерзким поэтическим поведением Игорь Северянин замкнул кольцо своего одиночества, своего забывания. Эмигрантам он не подошёл из-за таких — то просоветских, то отчаянно русских — стихов, в Стране Советов он оставался чужим, поскольку жил в Эстонии. И хотя вместо антисоветских памфлетов он скорее пишет антиэмигрантские злые заметки, признавать в СССР его не торопятся. Да и кто доберётся до эстонских глухих деревень, что в Тойла, что в Саракюля.

В 1931 году у поэта выходит его лучший эмигрантский сборник стихов “Классические розы”, далее последовало несколько продолжительных гастрольных поездок по Европе, и потом наступило полное забвение. Ни книг, ни публикаций, ни гастролей.

*Стала жизнь совсем на смерть похожа:
Всё тщета, всё тусклость, всё обман.
Я спускаюсь к лодке, зябко ёжась,
Чтобы кануть вместе с ней в туман...*

“В туманный день”

Да и сам поэт пишет в письме другу: “Издателей на настоящие стихи теперь нет. Нет на них и читателя. Я пишу стихи, не записывая их, и почти всегда забываю”.

Остаётся в душе одна Россия. Сегодня трудно представить подобное состояние, да и бывлые поклонники грезёра Северянина отворачиваются от его стихов о России. Им стыдно за них.

*Много видел я стран и не хуже её —
Вся земля мною нежно любима.
Но с Россией сравнить?.. С нею — сердце моё,
И она для меня несравнима!*

*Чья космична душа, тот плохой патриот:
Целый мир для меня одинаков...
Знаю я, чем могуч и чем слаб мой народ,
Знаю смысл незначительных знаков...*

Не пугает поэта ни грязь, ни сплетни, ни оговоры: “Я Россию люблю — свой родительский дом — // Даже с грязью со всею и пылью...” Впрочем, только так и можно любить свою Родину.

*Я мечтаю, что Небо от бед
Избавленье даст русскому краю.
Оттого, что я русский поэт,
Оттого я по-русски мечтаю!*

Россия соединилась в душе поэта с его же глубинным православием, о котором тоже и не догадываются многие ценители северянинских поэм. Не случайно он неоднократно пешком ходил из своих эстонских деревень до Пюхтицкого монастыря, а это за тридцать километров. Обычно с ночёвкой у озера.

*На восток, туда, к горам Урала,
Разбросалась странная страна,
Что не раз, казалось, умирала,
Как любовь, как солнце, как весна.*

*И когда народ смолкал сурово
И, осиротелый, слеп от слёз,
Божьей волей воскресала снова, —
Как весна, как солнце, как Христос!*

1925

Конечно, образ православного русского поэта непривычен для былых читателей поэзии Игоря Северянина, он им даже чужд и не нужен. Может быть, поэтому эстонский Северянин и перечёркнут для современного читателя?

*Ты потерял свою Россию.
Противоставил ли стихию
Добра стихии мрачной зла?
Нет? Так умолкни: увела
Тебя судьба не без причины
В края неласковой чужбины.
Что толку охать и тужить —
Россию нужно заслужить!*

1925

Голодный, оборванный, полунищий поэт в эстонских деревушках мечтает о великой России, ищет к ней пути. Он понимает, что все западные сплетни и домыслы о его стране, как правило, фальшивы, он и на себе познал весь смысл европейской демагогии, и потому предупреждает свою Россию, чтобы она не принимала всерьёз все европейские советы.

*Вот подождите — Россия воспрянет,
Снова воспрянет и на ноги встанет.
Впредь её Запад уже не обманет
Цивилизацией дутой своей...
Встанет Россия, да, встанет Россия,
Очи раскроет свои голубые,
Речи начнёт говорить огневые —
Мир преклонится тогда перед ней!
Встанет Россия — все споры рассудит...
Встанет Россия — народности сгрудит...
И уж у Запада больше не будет
Брать от негодной культуры росток.*

1925

Как своевременен такой призыв поэта, будто сегодня написано, будто написано совсем другим поэтом. Исчезли его былая манерность, эпатаж, эгоцентризм.

И вот с таким уже трепетным отношением к новой России Игорь Северянин встречается 1940 год. “Что касается помощи от Союза Эстонских писателей, — сообщал он поэту Георгию Шенгели, — могу сказать одно: до сих пор никто ничего не дал и даже не написал мне. Вряд ли и дадут, так как, в массе, терпеть меня не могут: я не усвоил языка и т. д. Вообще, за все 23 года я был в стороне от них, а они от меня...”

К 1940 году Игорь Северянин совсем перестал писать стихи, здоровье резко ухудшилось, но денег не было ни на лечение, ни на саму жизнь. И потому без всяких политических причин, без лакейства и трусости, он искренне, как никто другой, был рад присоединению Эстонии к Советскому Союзу. Он писал Георгию Шенгели: “Я очень рад, что мы с Вами теперь граждане одной страны. Я знал давно, что так будет, я верил в это твёрдо. И я рад, что это произошло при моей жизни: я мог и не дожидаться: ранней весной я перенёс воспаление левого лёгкого в трудной форме. И до сих пор я не совсем здоров: постоянные хрипы в груди, ослабленная сердечная деятельность, усталость после небольшой работы. Капиталистический строй чуть совсем не убил во мне поэта: в последние годы я почти ничего не создал, ибо стихов никто не читал. На поэтов здесь (и вообще в Европе) смотрели, как на шутов и бездельников, обрекая их на унижения и голод. Давным-давно нужно было вернуться домой, тем более что я никогда врагом народа не был, да и не мог им быть, так как я сам бедный поэт, пролетарий, и в моих стихах Вы найдёте много строк протеста, возмущения и ненависти к законам и обычаям старой и выжившей из ума Европы...”

Мало что зная о Советском Союзе, он поэтизирует его так же, как раньше поэтизировал своих принцесс из замков. Я бы назвал этот последний в его жизни цикл стихов “Сталинский грёзофарс”. Вот одно из стихотворений, называется “В наш праздник”:

*Взвивается красное знамя
Душою свободных времён.
Ведь всё, во что верилось нами,
Свершилось, как сбывшийся сон.
Мы слышим в восторженном гуле
Трёх новых взволнованных стран:
— Мы к стану рабочих примкнули,
Примкнули мы к стану крестьян.
Наш дух навсегда овесенен.
Мы верим в любви торжество.
Бессмертный да здравствует Ленин
И Сталин — преемник его!*

Его сразу же напечатала газета “Советская деревня” (Нарва, 13 августа). В этой газете были опубликованы две большие подборки советских стихов Игоря Северянина. Он пишет в Москву Шенгели 9 октября 1940 года: “Все три стихотворения <“В наш праздник”, “Наболевшее...”, “Привет Союзу”> были помещены в нарвской газете “Советская деревня” и, кроме того, взяты у меня спецкором “Правды” П. Л. Лидовым и В. Л. Тёмным, когда 11 августа они посетили меня в Усть-Нарове и долго беседовали со мною, сделав более десяти снимков с меня дома и на реке”. Вторая публикация в нарвской газете, состоявшаяся 6 сентября 1940 года, включала в себя два стихотворения Игоря Северянина: “Наболевшее...” (“Нет, я не беженец, и я не эмигрант...”), написанное за год до того (26 октября 1939 года), и “Привет Союзу!” (“Шестнадцатиреспубличный Союз...”), написанное 28 июля 1940 года.

Думаю, вряд ли случайно, без задания сверху, его в Усть-Нарве посетили два спецкора из “Правды” и “Известий”, двух центральных советских газет. Значит, интересовала судьба известного русского поэта и наших идеологов.

О стихах советского периода Игоря Северянина я нашёл только одну публикацию — литературоведов Е. Куранда и С. Гаркави. “Стихотворения Игоря Северянина 1939–1941 годов: к вопросу текстологии и истории публикации”. Я полностью согласен с ними. Литературоведы пишут: “В центральной прессе стихи Игоря Северянина появляются в марте следующего года — в мартовском номере журна <ала> “Красная новь”. Это всё тот же “Привет Союзу!”, правда, с купюрами четырёх строк и “Стихи о реках” (“Россонь — река совсем особая...”), написанные тогда же, 8 сентября 1940 г <ода>.

В мае 1941 года имя Игоря Северянина появляется на страницах журна <ала> “Огонёк”. Его стихотворение помещено в рамке, в центре страницы, на которой напечатаны три рассказа Вересаева. В той же рамке, под стихотворением Северянина “О том, чьё имя вечно ново”, помещено стихотворение М. Исаковского “Песня” (“На горе белым-бела // Утром вишня рас-

цвела...”). Здесь, на наш взгляд, любопытен и выбор стихотворения Северянина, и его соседство с Исаковским. Дело в том, что 12 сентября 1940 г. в письме к Г. А. Шенгели Игорь Северянин посылает своему корреспонденту-благодетелю два стихотворения “Стихи о реках” и “Сияет даль...”, написанные 8 сентября, сопроводив их словами: “<...> может быть, отдадите их куда-либо, например, в “Огонёк” или “Другой” журн., — этот гонорар меня весьма поддержал бы”.

Как видим, “Огонёк” (а скорее всего, Г. Шенгели, пристраивавший стихи Игоря Северянина в центральной советской печати) предпочёл в качестве дебюта Северянина в роли советского поэта другое стихотворение, написанное в 1933 году, в его эмигрантский период. В качестве объяснения можно привести следующие соображения. “О том, чьё имя вечно ново” — произведение на беспроигрышную, с точки зрения создания советской репутации поэту, “пушкинскую” тематику, а Игорь Северянин в создании новой репутации — советского, или, по крайней мере, лояльного советской стране поэта, — безусловно, нуждался. Пушкинская же тематика и “пушкиноведение” как отрасль государственной пропаганды приобрело в середине 1930-х годов знаковый смысл, обращение к этой теме в общем хоре других участников государственно одобряемых мероприятий практически стало мандатом политической лояльности. Согласен я и с мнением литературоведов, что “... часто говорят, что пишущий на советские темы Игорь Северянин — это “другой Северянин”, а его стихи осени 1940–1941 г. — “крайне слабые”. Мы не разделяем этого мнения. То воодушевление, то “живое дело”, то творческое общение, которые он обрёл в последний год своей жизни, не дают к этому оснований. Стихотворения, написанные в “советский период”, — это “тот самый Северянин”, что и в ранних своих стихах: по поэтической технике, по способу восприятия действительности”.

Е. Куранда и С. Гаркави считают, что, вполне возможно, если бы не война, то Игорь Северянин был бы принят в Союз писателей СССР и занял бы вполне достойное место среди советских писателей. В тридцатые–сороковые годы немало вернувшихся из эмиграции литераторов были доброжелательно восприняты советской властью, среди них и Куприн, и Вертинский... Почему бы и Северянину было не занять среди них самое почётное место? Литературоведы считают верной линию поведения поэта, его “сталинский грёзозфарс”: “Таким образом, стратегии презентации (исходившие, как небезосновательно можно предположить, от благодарного ученика Шенгели) и самопрезентации “нового”, советского (или, выражаясь в духе самого поэта, “осовеченного”) Игоря Северянина вполне можно назвать правильными, и, возможно, они дали бы успешный результат, если бы Игорю Северянину и Шенгели было бы отпущено чуть больше времени. Ведь помимо продвижения стихов Игоря Северянина в центральной печати, Шенгели планировал прибегнуть к ещё одной установившейся в 1930-е годы писательской практике — личного обращения к Сталину. Обсуждению этого сценария посвящено письмо Шенгели Игорю Северянину от 28 сентября 1940 года, частично цитировавшееся исследователями, полный текст которого хранится в РГАЛИ: “Стихи, присланные Вами мне, поразительно трогательны и прекрасны, но я думаю, что не стоит Вам начинать печататься с них. Вот в чём дело. У Вас европейское имя. Однако за долгие годы оторванности от родной страны Вас привыкли считать у нас эмигрантом (хотя я прекрасно знаю, что Вы только экспатриант), и отношение лично к Вам (не к Вашим стихам) у нашей литпублики настроенное. Это понятно. И поэтому, мне кажется, Вам надлежит выступить с большим программным стихотворением, которое прозвучало бы как политическая декларация. Это не должна быть “агитка” — это должно быть поэтическим самооглядом и взглядом вперёд человека, прошедшего большую творческую дорогу и воссоединившегося с родиной, и родины преобразённой.

И послать это стихотворение (вместе с поэтической и политической автобиографией, с формулировкой политического кредо) надо не в “Огонёк” и т. п., а просто на имя Иосифа Виссарионовича Сталина. Адресовать просто: “Москва, Кремль, Сталину”. Иосиф Виссарионович поистине великий человек, с широчайшим взглядом на вещи, с исключительной простотой и отзывчивостью. И Ваш голос не пройдёт незамеченным — я в этом уверен. И тогда всё пойдёт иначе.

Поэтому позвольте мне пока призадержать Ваши стихи; если Вы найдёте, что их всё же следует передать в журналы, — напишите, и я немедленно

предприму нужные шаги. <...> Я не мог не порадоваться, читая Ваши стихи. Превьющая певучая сила, превьющая “снайперская” меткость эпитета. Какой Вы прекрасный поэт, Игорь Васильевич! И я больше чем уверен, что Вы ещё направите “колесницу Феба зажечь стопламенный закат!” Вспомните Тютчева, который лучшие стихи написал под старость, а Вам и до старости далеко: 53 года всего”.

Игорь Северянин последовал совету. По крайней мере, в его письме к Г. Шенгели от 31 января 1941 года содержится отчёт о промежуточном результате работы (или её намерениях) над такой манифестацией: “Письмо И. В. Сталину у меня уже написано давно, но я всё его исправляю и дополняю существенным. Хочется, чтобы оно было очень хорошим”.

Дальнейшая судьба письма Игоря Северянина к Сталину неизвестна, но поэтическая декларация, которая должна была стать наглядным подтверждением намерений, провозглашаемых в письме, была написана и выслана Г. Шенгели. Мы имеем в виду стихотворение Игоря Северянина, до сих пор полностью не введённое в научный и читательский оборот. Это стихотворение “Красная страна”. Впервые оно упомянуто в письме к Шенгели от 23 мая 1941 года: “А что “Красная страна”? Разве её никто не берёт? На мой взгляд, она неплохо сработана. Не послать ли мне её Дунаевскому? Посоветуйте вообще, что ему послать”.

Рождался хороший ли, плохой, но новый советский поэт Игорь Северянин. Может быть, в мечтах старого и большого романтика видится, что его стихи приравнены к стихам Володи Маяковского. Он пишет в письме к Шенгели от 9 ноября 1940 года: “В скором времени я напишу Сталину, ибо знаю, что он воистину гениальный человек”. И далее делится своими планами: “Я хотел бы следующего: пять-шесть месяцев в году жить у себя на Устье, заготавливая стихи и статьи для советской прессы, дыша дивным воздухом и в свободное от работы время пользуясь лодкой, без которой чувствую себя, как рыба без воды, а остальные полгода жить в Москве, общаться с передовыми людьми, выступать с чтением своих произведений и совершать, если надо, поездки по Союзу. Вот чего я страстно хотел бы, Георгий Аркадьевич! То есть быть полезным гражданином своей обновлённой, социалистической страны, а не прозябать в Пайде...”

В разгоряченном мозгу стареющего поэта уже бушуют грандиозные замыслы, хотя в жизни продолжают все те же бытовые проблемы, прежде всего, — катастрофическая нищета. Он ждёт советских гонораров, посылает стихи в советские журналы.

*Прислушивается к словам московским
Не только наша Красная земля,
Освоенная вечным Маяковским
В лучах маяковидного Кремля,*

*А целый мир, который будет завтра,
Как мы сегодня, — цельным и тугим,
И улыбнётся Сталин, мудрый автор,
Кто стал неизмеримо дорогим.*

*Ведь коммунизм воистину нетленен,
И просияет красная звезда
Не только там, где похоронен Ленин,
А всюду и везде, и навсегда.*

Первым в этом сталинском цикле было написано стихотворение “Привет Союзу!” 28 июля 1940 года, затем — “В наш праздник”. Поэт стал неожиданно для самого себя воплощать свои уже советские грёзы в цикл стихов о всё ещё незнакомой, но родной державе:

*Только ты, крестьянская, рабочая,
Человечекровная, одна лишь,
Родина, иная, чем все прочие,
И тебя войною не развалишь.*

*Потому что ты жива не случаем,
А идеей крепкой и великой,
Твоему я кланяюсь могучему,
Солнечно сияющему лику.*

13 сентября 1940

Думаю, вряд ли Георгий Шенгели сам, через своих знакомых устраивал публикации Северянина в советских центральных журналах. Такого просто не могло быть. Я уж не знаю, на каком вершине, может, с подачи самого Сталина, но было дано добро на возвращение Северянина в русскую советскую литературу. Достойным завершением “сталинского грёзофарса” стало стихотворение “Красная страна”.

Думаю, если бы не начавшаяся война, этот стих стал бы главным в триумфальном возвращении поэта на союзную арену. Увы, не случилось. “Красную страну” уже готовил к публикации в ленинградском альманахе при Издательстве писателей в Ленинграде известный советский поэт Всеволод Рождественский. Позже он вспоминал: “Весною 1941 г<ода> Издательство писателей в Ленинграде получило от него [Северянина] несколько сонетов о русских композиторах, которые решено было поместить в одном из альманахов. Мне как редактору сборника выпало на долю известить об этом автора, а издательство одновременно перевело ему гонорар. В ответ было получено взволнованное письмо. <...> Мне он прислал небольшой свой сборник “Адриатика” (1932) с дарственной надписью...” Приведу ещё одну цитату из письма Всеволода Рождественского в Эстонию Северянину: “Если Вы со временем приедете к нам в Ленинград (а это было бы очень хорошо), Вы увидите много интересного и ценного в нашей молодой советской поэзии. У нас есть талантливая, живая молодёжь, и главное — есть тема, о которой стоит и хочется писать. И у нас есть уважение к мастерам, честно трудившимся над раскрытием прекрасных свойств русского стиха.”

За эти годы я, как и многие мои сверстники, ничего не знал о Вас; было приятной неожиданностью убедиться в том, что Вы живёте творчески, полны творческих сил и надежд. Я совершенно уверен в том, что возвращение к родине даст Вам новые и новые творческие радости. Мне было очень приятно услышать Ваш голос, потому что я ещё со дней юности многое ценил в Вашем творчестве. Я всегда слышал в Вас подлинного поэта, даже тогда, когда внутренне спорил с Вами (а это бывало нередко, потому что росли мы в различной поэтической среде и культуре).

Время унесло многое, оставив только подлинную поэтическую сущность. А “сущность” эта в чувстве братской преемственности того наследия, которое оставлено нам бессмертием нашей русской лирики в классическом её выражении.

Я любил в Вас смелость и непосредственность поэтического слова. Но, если уж говорить о себе лично, предпочитал бурному потоку словесных новшеств, создававших Вам такую шумную славу, волнующую простоту Ваших не облачённых в пёстрые одежды лирических стихов, м<ожет> б<ыть>, не таких видных и броских, но несущих в себе тайну пленительной, фетовской свежести.

Многие годы жило в моей душе то, чего, м<ожет> б<ыть>, и не помнят Ваши самые шумные почитатели:

*Какие дни теперь стоят!
Ах, что это за дни!
Цветёт, звенит, щебечет сад —
Господь его храни!
<...>
Я не могу в такие дни
Работать — не могу!..”*

Игорь Северянин из своей глуши немедленно “отсеверянил” своему давнему питерскому знакомцу, очень рад был и полученному авансом гонорару. Ждал уже выхода альманаха. Все планы разрушила война. При первых бомбёжках Ленинграда издательство было уничтожено, а вместе с ним сгорел и альманах со стихами Северянина. Оригинал стихотворения “Красная страна” и сейчас хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, в архиве С. А. Семёнова с редакторской правкой Рождественского.

*Стройной стройкой строена
Красная страна,
Глубоко освоена
Разумом она.
Ясная, понятная,
Жаркая, как кровь,
Душам нашим внятная
Первая любовь.
Ты, непокоримая,
Крепкая, как сталь,
Родина любимая —
Глубь, и ширь, и даль.
Радость наша вешняя,
Гордость наша ты,
Ты — земная, здешняя,
Проще простоты.
Мира гниль подлецкая
Вся тебе видна,
Честная советская
Умная страна.
Враг глухими тропами
Не пройдёт сюда.
Светит над Европою
Красная звезда.
И в пунцовых лучиках
Худшее сгниёт,
Остальное ж, лучшее
К нам само придёт.
Над землёй возносится
Твой победный свет,
Ты ведь мироносица,
Лучше ж мира нет.
Стойким сердцем воина
Ты средь всех одна.
Стройной стройкой строена
Ты, моя страна!*

Думаю, это стихотворение злободневно и по сегодняшней день. “Сталинский грёзофарс” состоялся. Всеволод Рождественский предвидел новый поэтический взлёт Северянина, его советское восхождение. Он очень верно писал Северянину из Ленинграда: “Скажу больше: Вы как поэт ещё недостаточно раскрыты для русского читателя, и завершение Вашей поэтической судьбы и оценки ещё впереди. Уже завоеванное — остаётся при вас, но сверх этого возникает новое ощущение Игоря Северянина, роднящее его лирику с тем, что оставлено нам великими именами родной поэзии.

Здесь, на родине, в окружении того, чем мы привыкли дышать и жить с детства, среди наших берёз, под нашим небом, в воздухе непрерывной русской, пушкинской культуры Вам будет легче обрести тот подлинный голос лирики, который живёт в человеке неразрывно с чувством родной земли.

От всей души желаю Вам творческой бодрости.

С искренним приветом, Всеволод Рождественский.

Ленинград-28, пр. Володарского, 33, кв. 40, Всеволоду Александровичу Рождественскому”.

Удивительна судьба этих стихов: в наше перестроечное время они попали в самый “чёрный” список, по сути, запрещены. Как в советское время запрещали стихи антисоветские, так в перестроечное время стали нежелательны стихи, воспевающие советскую власть. Ни в якобы “Полном собрании сочинений в одном томе”, вышедшем в издательстве “Альфа-книга” в Москве в 2014 году, ни в Петербургском пятитомнике издательства “Логос” 1995 года

стихов из советского цикла Северянина вы не найдёте. Не понимаю издателей! Напишите, что это стихи неудачные или заказные, оправдывающие поэта перед властями, но если вы готовите полное собрание сочинений, будьте любезны – опубликуйте и весь “Сталинский грёзофарс”! Для того же Евтушенко это стихи, написанные от страха: “Здесь надежда так перепутана со страхом, что разобраться, где страх, а где надежда, уже невозможно”. Наш вечно лакействующий поэт не понимает: чего было бояться стареющему нищему, почти умирающему поэту Игорю Северянину? Это его грёзы о своём светлом будущем.

А в реальности грёзы были остановлены войной: немцы вошли в Таллинн, приближались к Нарве и тем деревушкам, где жил Игорь Северянин. Он пишет и Жданову в Ленинград и Калинин в Москву с просьбой, чтобы его срочно эвакуировали. Логика в этом есть: ведь эвакуировали и опальную Анну Ахматову из Ленинграда, и Зощенко, и Пастернака из Москвы, почему бы не позаботиться и об Игоре Северянине? Тем более, что и попытки эвакуации были сделаны.

Как рассказывает таллиннскому северяниноведу Михаилу Петрову вдова лечащего врача Игоря Северянина Вера Круглова: “Игорь Васильевич действительно был болен. Диагноз был таков: сердечная недостаточность. Не всё было в порядке и с лёгкими. Последние месяцы он либо сидел, либо лежал. Передвигался он лишь при необходимости и окончательно слёг, когда в Усть-Нарву вошли немцы. Леры с ними уже тогда не было. Помню фразу Игоря Васильевича: “Леру удалось отправить в Таллинн”. Кажется, это было ещё в самом начале войны. В это время эстонское правительство находилось в Нарве. Доктор Хион, он тогда был народным комиссаром здравоохранения, позвонил моему мужу и спросил, в каком состоянии Северянин и можно ли его эвакуировать. Этот звонок я очень хорошо помню, потому что была в кабинете мужа. Между прочим, они вместе с Хионом вместе учились в Тартуском университете и даже работали в анатомичке на одном трупе. Ну, это был такой официальный разговор. Мой муж описал, в каком состоянии Игорь Васильевич, что он может ходить, но больше лежит, чувствует себя плохо. На этом, собственно, разговор прекратился. Этот разговор мой муж передал Северянину в тот же день – он навещал его как врач ежедневно. А перед этим, значит, приехали Шумаковы. Я их не видела и знаю только со слов, что их было трое: отец, мать и сын. Для них это был как бы этап, а так как, вероятно, в Усть-Нарве у них более близких знакомых не было, то они, значит, разыскали Северянина. Всё это было в начале августа. Точной даты я теперь, конечно, не помню. Было ли это на следующий день после звонка Хиона или через два дня, я не могу сказать, но помню, что к нам пришли страшно взволнованные Игорь Васильевич и Вера Борисовна. Оба говорят, что рано утром приезжала машина и шофёр разыскивал поэта, а уехали Шумаковы. Уехали не простясь. Я ручаюсь за эти слова, я их слышала... А потом, когда Вера Борисовна вышла в другую комнату, Игорь Васильевич уже спокойно сказал мне такую фразу: “Всё равно бы она никуда не поехала”.

Была ли машина прислана за Северяниным или не была, точно никому не известно. В любом случае, тот факт, что Шумаковы, которых приютил Северянин в своём домишке, вдруг среди ночи куда-то уехали, выглядит очень подозрительно. Вполне мог тот же министр здравоохранения Эстонии Хион по звонку из Москвы взять с собой на машине и Северяниных. Но... машина ушла, а в Нарву пришли немцы.

В личной беседе с М. Петровым Юрий Шумаков рассказал: “В Усть-Нарву мы приехали в первых числах августа. Простите, но точные даты – это не моя стихия. Остановились в доме, где жил Игорь Васильевич. Он был болен, полёживал. Мы с отцом целыми днями пропадали в Нарве: хлопотали о получении эвакуационных удостоверений. (...) В один из таких дней в Нарве я попал на приём к Барбарусу, которого хорошо знал. Я рассказал ему о бедственном положении Игоря Северянина. Он обещал подумать, но, знаете ли, ему было не до этого. (...) Поздним вечером состоялся семейный совет. Времени на раздумья не оставалось: поезда уже не ходили, а другого транспорта не было. Я хорошо понимал, что все “прелести” пешего похода со стариками родителями лягут на мои плечи, но другого выхода не было. (...) Уходили до света. Будить Игоря Васильевича я не решился, даже записочку не успел оставить, думал, поймёт”.

В письме к М. Петрову от Веры Кругловой от 28.06.1987: “Через Нарову построен понтонный мост. Эвакуация сов<етских> войск идёт через Нарву

и Усть-Нарву. Северянины перебираются на ул. Раху. И. В. сообщает, что к ним приехал Шумаков с семьёй. Леры с ними нет. Помню его (И. В.) фразу: “Леру удалось отправить в Таллинн”. Не помню, когда это было. Кажется, в самом начале войны. Вообще в Усть-Нарву Лера приезжала только погостить. О Шумакове я слышала от И. В. Говорил, что тот начал перевод “Калевипоэга” на русский яз. Потом его неожиданный отъезд в данном случае, конечно, не оправдан и странен. Немудрено, что у И. В. это вызвало бурю негодований. А если учесть, что он ждал машину, по крайней мере, надеялся, что его перевезут в Ленинград, т<ак> к<ак> добраться иными путями в Ленинград ему было не под силу, то отсюда и уверенность, что Ш<умаков> воспользовался его машиной. Сейчас я склонна думать, что никакой машины и не было. Поговорили и забыли”.

По версии знатока северянинской жизни Михаила Петрова: “Скорее всего, дело обстояло совсем иначе. Юрий Шумаков добился приёма у Барбаруса с целью попросить помочь его семье с транспортом. Видимо, Барбарус, ссылаясь на трудности, отказал, но посоветовал присоединиться к Северянину, семью которого эстонское правительство собиралось вывезти. Кто информировал эстонское правительство о положении Северянина, неизвестно, но вряд ли это был Шумаков. Вера Коренди в своих воспоминаниях предполагает, что это был кто-то из Москвы.

Шумаковы, потратив безрезультатно ещё две недели на поиски транспорта, решили воспользоваться советом Барбаруса и в начале августа всей семьёй приехали в Усть-Нарву и поселились в доме, где жил поэт.

Частые поездки в Нарву отца и сына Шумаковых были связаны, конечно, не с оформлением выездных документов, которые уже месяц ждали своего применения, а, скорее, с усилиями именем Северянина ускорить выделение машины, узнать конкретную дату её приезда в Усть-Нарву.

Звонок доктора Хиона, о котором Северянин наверняка рассказал своим соседям по дому, означал, что машина завтра-послезавтра будет в Усть-Нарве. И они, как хищники, притаились в ожидании. А дальше... дальше свершилось всё так быстро, что “даже записку не успел оставить...”

Значит ли это, что Северянин не эвакуировался из-за угона Шумаковыми посланной за ним машины? Выскажем следующее предположение.

Больной Северянин не мог эвакуироваться без Веры Коренди. Она, по воспоминаниям Кругловой, оказалась заботливой и верной подругой. Вера Коренди с помощью своей семьи в Таллинне была единственным кормильцем в семье поэта. Скорее всего и она, испытав неудачный первый брак, очень дорожила новой семьёй, и её воспоминания в этом смысле не оставляют сомнений. Но эвакуироваться в сложившихся обстоятельствах она не могла, поскольку была преданной матерью, и оставить дочь, которая находилась у бабушки в Таллинне, было выше её сил. Она всячески до последнего момента поддерживала в Северянине надежду на эвакуацию, боясь причинить ему боль. Но в тайниках своей души молилась, чтобы машина не пришла. Для неё это был наилучший, самый безболезненный вариант. Возможно, она не догадывалась, что Северянин понимает её положение и давно с этим смирился.

Если бы машина пришла, и Северянин вынужден был бы отказаться от эвакуации, то шофёр машины, скорее всего, развернулся бы и уехал на свою базу: у него бы приказ эвакуировать Северянина и его семью.

Надо думать, что за десять дней пребывания рядом с семьёй Северянина Шумаковы сумели трезво оценить положение и сделать свои выводы. Семью Шумаковых не устраивали оба варианта, и, выдав себя за семью Северянина, она скрытно, торопясь, по терминологии Петрова, “тихо покинула” Усть-Нарву.

Один из оппонентов этой версии – профессор Г. Исаков – упрекнул меня в том, что я представил Юрия Шумакова “уж слишком плакатным злодеем, демонической фигурой в стиле шекспировского Яго”. Отнюдь нет: обычные люди в экстремальных условиях, особенно когда речь идёт о жизни, часто забывают о моисеевых заповедях и руководствуются своим инстинктами. И прошедшая мировая война дала, к сожалению, достаточно таких примеров.

Вариант с похищением машины, может быть, и неосознанно, интуитивно устраивал Веру Коренди: она избежала открытого противостояния мужу, теперь вместе с Северяниным она могла вернуться в Таллинн к дочери и своей семье, ей страшно было оставаться одной с большим человеком и без

средств. И порыв негодования, с которым она поддержала Северянина, возмущённым поведением Шумаковых, был скорее данью их супружеской общности, чем её желанием.

Порой проявления человеческой судьбы через многие годы удивительно, как близнецы, похожи друг на друга: в 1941 году Игорь Северянин не вернулся в Россию, потому что его жена Вера Коренди не могла оставить дочь, семью, родину; в 1922 году в Берлине Владимир Маяковский предлагал Северянину вместе с женой Фелиссой Круут, не возвращаясь в Эстонию, уехать в Россию; Игорь Северянин не вернулся тогда в Россию, потому что понимал, что его жена не может оставить их сына, свою семью, свою родину.

А его родина, его “безбожная” Россия, лежащая рядом, за рекой, осталась для него недосыгаемой”.

Из письма Игоря Северянина к Всеволоду Рождественскому: “Деньги давно кончились, даже занять здесь негде. Продаём вещи за гроши... (...) Верю в Вас почему-то, Всеволод Александрович, и знаю, что, если Вы захотите, Вы поможете выбраться отсюда. Повторяю, в общих условиях моё сердце не выдержит, и живым я не доберусь... (...) Жду ответа: ответьте, пожалуйста, немедленно”.

Что было бы с Игорем Северяниным, эвакуируйся он в Ленинград, трудно просчитать. Попал бы в блокаду и вскоре умер? Выехал бы в Москву и далее в Ташкент? Тем более, он успел уже по предложению Шенгели перевести по присланным подстрочникам цикл стихов туркменских поэтов. Переводы поэт отослал в Москву, дальнейшая судьба их неизвестна... Это тоже затейливый штришок “сталинского грёзофарса”: король поэтов Игорь Северянин переводит в Эстонии, лишь вчера ставшей советской, стихи туркменских поэтов. Думаю, при другом повороте судьбы такие переводы и стали бы основным заработком советского поэта Игоря Северянина, как и многих других.

В октябре Вера Коренди увозит совсем больного Северянина в Таллинн, где он и умер в декабре 1941 года. Похоронен на кладбище Александра Невского. На памятнике его строфа из “Классических роз”:

*Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб...*